

Суппозитивные автометафоры в языке белорусской и русской поэзии XX–XXI веков

С.Б. КУРАШ

Статья посвящена исследованию суппозитивных автометафор (метафорических конструкций с личным местоимением 1-го лица единственного числа «Я» в качестве «левого элемента») в языке белорусской и русской поэзии XX–XXI вв. Характеризуются разновидности автометафор, описываются основные типы языковых конструкций, реализующих метафоры такого рода. Делается вывод о сходстве и в то же время определённой национально-стилевой специфичности моделей метафорической репрезентации лирического «Я» в поэтических текстах русских и белорусских авторов.

Ключевые слова: суппозитивная автометафора, поэтический текст, лирическое «Я», метафорическая модель, белорусская поэзия, русская поэзия.

The article is devoted to the study of suppositional autometaphors (metaphorical constructions with a personal pronoun of the 1st person singular «I» as a «Left element») in the language of Belarusian and Russian poetry of the XX–XXI centuries. Varieties of autometaphors are characterized; the main types of language constructions that implement metaphors of this kind are described in the article. The conclusion about the similarity and at the same time a certain national-style specificity of the models of metaphorical representation of the lyrical «I» in the poetic texts of Russian and Belarusian authors is made.

Keywords: suppositional autometaphor, poetic text, lyrical «I», metaphorical model, Belarusian poetry, Russian poetry.

Введение. О том, что лирический дискурс Я-центричен в такой степени, как никакой другой, в специальной литературе отмечается постоянно. Столь же устойчиво мнение и о феноменологической сложности «Я» как речевого центра высказываний: «Трудная проблема – определить статус речевого центра «я» относительно «автора»; понятно, что ее решение всегда будет находиться в концептуальной зависимости от эксплицитно принятых или подразумеваемых пресуппозиций» [1, с. 609].

Свою известную классификацию коммуникативных отношений в лирике и определение коммуникативного статуса лирического текста Ю.И. Левин также выстраивает относительно критерия системы «взаимоотношений «действующих лиц» («персонажей»), связанных с этим текстом» [2, с. 464], в числе которых обязательными являются «имплицитный автор» и «имплицитный адресат». Ю.И. Левин выделяет три типа коммуникативных отношений в лирическом тексте: внутренние (взаимоотношения персонажей, эксплицитированных в тексте), внешние (кто создал текст и для кого этот текст предназначается), промежуточные (отношения между образом автора, характер которого диктуется смыслом стихотворения, и своего рода идеальным читателем) [2, с. 464].

Украинский исследователь И.А. Безкровная характеризует коммуникативный статус лирического текста как, прежде всего, «автокоммуникативность (расслоение авторского «Я» на два текстовых образа). Данный тип адресанта становится основой для образования других моделей поэтического субъекта. Так, редукция одного из компонентов базовой модели соответствует таким эгоцентрическим речевым действиям, как автооценочное высказывание, направленное к неопределённому адресату; безадресатное внутреннее речевое действие; «мы-сообщения», в которых совмещаются позиции обоих авторских «Я». Транспозиция одного из «Я» (в «Ты» или «Он») моделирует такую особенность внутренней речи, как взаимоотношение субъектов автокоммуникации – перенесение одного из коммуникантов на позицию либо адресата, либо объекта речи» [3, с. 15].

В структурировании Я-концепта поэтического дискурса весьма заметная роль принадлежит метафоре, при этом «основным способом развития образа лирического персонажа является референциальная соотнесенность ЛМ [личного местоимения. – С.К.] с различными лексемами» [4, с. 6].

«Двуплановость как одна из её особенностей позволяет одновременно указывать на основную и вспомогательный субъекты и создавать своеобразную «игру» прямого и переносного значений. По этой причине суппозитивные метафоры называют автометафорами. В них заложены практически неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений, перевоплощений, характеризующиеся субъективным началом, неожиданностью, непредсказуемостью, а в ряде случаев преувеличенностью, гиперболичностью, своего рода фантастичностью. Такие метафоры можно считать самоидентификацией автора, его эпизодическим перевоплощением» [5, с. 204]. См. также: [6, с. 249].

Структурно-композиционную организацию поэтических конструкций с личными местоимениями В.Д. Старичёнок характеризует следующим образом: «Первый компонент (левая часть) таких структур представлена личным местоимением (обычно это подлежащее, своеобразная тема высказывания), которое в определённых контекстных ситуациях как бы «опредмечивается» и используется в качестве информационно-образного кода. Второй компонент (правая часть) – это предикативный центр (рема высказывания, ядерный компонент смысловой структуры), носитель наиболее важной информации. В правой части (обычно выражается существительными и зависимыми от них словами) раскрывается содержание личных местоимений, реализуются их семантические потенции в виде определённых заместителей» [5, с. 204]. Подобные автометафорические фрагменты (вплоть до целых текстов) на материале лирики белорусских поэтов преимущественно XX–XXI вв. анализируются В.Д. Старичёнком в лингвостилистическом и лингвопоэтическом аспектах.

Нас в большей степени интересует текстовый, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурный потенциал метафоры как средства структурирования коммуникативной ситуации текстов белорусской и русской поэзии рассматриваемого периода.

Основная часть. Прежде всего, отметим, что как фигурант коммуникативной ситуации текста (т. е. как один из способов репрезентации лирического героя / автора) автометафора обычно обуславливает такую типологическую характеристику референтной ситуации поэтического текста, как недостоверность (фантастичность) [7, с. 19], в чём можно будет убедиться на примерах, приводимых ниже.

Кроме этого, нами выявлено следующее.

Во-первых, автометафоры могут структурировать различные аспекты Я-концепта по критерию его статуса в самом широком спектре оценок (собственно коммуникативном, аксиологическом, культурологическом, социокультурном и пр.).

Мы выделяем две базовые модели подобного рода автометафор: «Я – (не) Я» и «Я – ДРУГОЙ».

1. Первая – «Я – (не) Я» – реализуется в следующих вариантах:

1.1. «Я» – пространство, форма бытия, самолокализация: *Есть слово «я». Оно во тьме недаром / К небытию испытывает злость... / Оно во мне. Оно одним ударом / В меня по шляпку вбито, словно гвоздь* (Е. Винокуров); *Я – смутный спутник самого себя же* (С. Петров); *Наведваюся у мясціны, / дзе ўжо некалі быў, / і не ведаю, як растлумачыць / дрэвам, людзям, сабе самому, / што ўжо мяне двое, / І не ведаю, чым запоўніць / прагал паміж мною гэтым і тым* (А. Разанаў).

1.2. «Я» – предмет, понятие, явление, лицо/статус, неліцо и пр.: *Я – Зерне. Ляжаць на камені змушана, / Замярзаю на ім, сонцам аглушанае* (А. Наўроцкі); *Я – травінка... Я з анёлам побач...* (С. Панізнік). «Правый элемент» автометафоры может быть выражен и словосочетанием, причем нередко – метафорическим, в результате чего создаётся «метафора в метафоре», например: *Я – кухар ночы* (С. Блатун); *Я – сын сваёй эпохі. Не лепшы і не горшы / За многія мільёны сучаснікаў сваіх* (І. Лагвіновіч); *Я – упругий шар на нитке / В детских пальчиках твоих* (Л. Алексеева); *Я – только тонкий лепесток* (С. Липкин); *Я – море, меня поднимает луна* (В. Шаламов); *Я – старый закон. / Слово с тью, фитою, ижицей, / новый век со мной не знаком* (Б. Слуцкий); *Я – забытый ребенок, забытый судьбой, позабытый в осеннем саду* (Н. Заболоцкий).

Особой разновидностью метафорических построений подобного рода является отрицательная автометафора: *Я – не волат. Я бываю квольым* (Н. Гілевіч); *На зямлі я ня тубылец –*

часовы госьць (М. Кавыль); *Нет, / Не горячий баламутчик, / Хоть и невзрачен и не жгуч, / Скольжусь по мрачным кручам туч, / Пусть даже не весьма могуч, / Но никакой не лизоблюдчик, / Дичок, колючий без колючек, / Я никакой не лучик – / Луч!* (Л. Мартынов); *для него – не человек, / рыба я соленая* (Б. Слуцкий).

В отдельных случаях автохарактеристика лирического «Я» даётся посредством ухода от метафоры, ср.: *Я – человек. Я не ковер* (Б. Слуцкий); *Я – человек, не труп* (И. Эренбург).

2. Оппозиция «Я – другой», находящая себя в разноплановых проявлениях, связанных с последовательным помещением «Я» в различные по объёму концептуальные пространства – хронотопы. Ср.: «С точки зрения автора, интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирование собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиции, идентификации и маскировки с текстами других авторов (других поэтических «Я»))» [8, с. 59].

Как правило, подобные автотропы отмечены заметной лингвокультурологической (этнокультурной, социокультурной) маркированностью. Рассмотрим их основные модели в порядке расширения концептуальных пространств на полюсе «ДРУГОЙ».

2.1. Метафорическая идентификация с другим известным лицом, для чего используется обращение к прецедентным фоновым онимам, обычно из сферы литературы и культуры: *Я – Гамлет. Холодеет кровь, / Когда плетёт коварство сети, / И в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете* (А. Блок); *Я – Гойя! / Глазницы воронок мне выклевал ворог, / слетая на поле нагое* (А. Вознесенский); *Я человек – вот мой дворянский титул. / Я, может быть, легенда, может, быть. / Меня когда-то называли Тилем, / и до сих пор – я тот же самый Тиль* (Е. Евтушенко); *Я – композитор: под шум колес / Железнодорожных – / То Григ, то Верди, то Берлиоз* (И. Северянин); *Я – Санчо Панса твой, я – счетовод* (В. Нарбут); *На зямлі я найпершы Адам* (М. Кавыль); *З нас таксама, напэўна, хлопцы, / Кожны – крышачку Адысей* (А. Сербантовіч).

Прецедентное имя может быть вовлечено в автометафору не только с целью уподобления членов концептуальной оппозиции друг другу, но и для концептуализации их различия, что как бы дополнительно подчёркивает «самость» лирического «Я», ср.: *Поэты русские, / друг друга мы браним. / Парнас российский дрязгами заселен, / но все мы чем-то связаны родным – / любой из нас хоть чуточку Есенин. / И я Есенин, / но совсем иной. / В колхозе от рожденья конь мой розовый. Я, как Россия, более стальной / и, как Россия, менее берёзовый* (Е. Евтушенко).

Крайним случаем выступает антагонизация членов концептуальной оппозиции в отрицательной автометафоре: *Нет, я не Байрон, я другой, / Ещё неведомый избранник. / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой* (М. Лермонтов); *А слева Цицлла, а справа Харибда – / Я не Одиссей!* (И. Чиннов); *Я ніколі ня буду Буддам, / На зямлі не знайду нірваны* (М. Кавыль); *Я ня слаўны Ленскі, / Ты-ж і не Тацьяна... / Родам я з-пад Менску... Часта, часта п'яны* (М. Кавыль); *І каб заўсёды мог / З сумленнем чыстым / Сказаць Айчыне: / – Тваім сынам верным быў, / хаця не стаў / Бетховенам ці Лістам* (А. Барскі); *Я не быў ніколі Герастратам. / Хутка вы забудзеце мяне* (І. Лагвіновіч). В подобных случаях, как видно, оппозиция «Я – ДРУГОЙ» накладывается на оппозицию «СВОЁ – ЧУЖОЕ» и решается в пользу «левого элемента».

2.2. Репрезентация отношений лирического «Я» с совокупностью других «Я» (ЯЯЯ), например, с социумом, нацией и т. п.: *Я – / безоговорочно и бесповоротно – / капля / в океане моего народа* (Р. Рождественский); *И всё же ты лишь капля в океане / Истории народа* (В. Луговской); *Я – інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кроне чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст.* (Р. Барадулін); *Я – галіна ад дрэва маёй Беларусі* (Г. Дашкевіч); *Ты стаіш, Беларусь, / Завадская, зубрыная... / Я – пясчынка твая. / Я – крывінка твая* (Г. Бураўкін). Отличительной чертой метафор такого рода у белорусских авторов является то, что в качестве контекст-партнёра лирического «Я» у них чаще выступает топоним *Беларусь*, тогда как в аналогичных контекстах из русской поэзии доминирует лексема *народ*.

2.3. Репрезентация отношения «Я» к некоторому иерархически высшему началу (Я), т. е. БЫТИЮ, ТВОРЦУ, БОГУ, СОЗДАТЕЛЮ. Ср.: *Благодарю, необъятный Создатель, / что я мгновенный твой соглядатай – / Сидоров, Медичи или Борджиа – / скрепочка*

Божья! (А. Вознесенский); *И в солнце, среди синевы / расцветшее, нацелясь мною, / меня спускают с тетивы / стрелой с тонкою спиной. / Весёлый центробежный вихрь / меня из круга вырвать хочет. / О, Жизнь, в твою орбиту вник / меня таинственный комочек!* (Б. Ахмадулина); *Я ў Сусвеце – нібы Планета* (М. Арочка); *«Не гавары: Зямля мая, – / Казаў мудрэйшы з інкаў, – / А гавары: Зямля, я – твой...» / Бо кожная травінка / І кожны з нас удзячны ёй / Спрадвечнай, жыццядайнай, / Сваім з'яўленнем, хоць на міг, / Сваім знікненнем тайным. / Таму і ў космасе, калі / Загубіцца шлях мой, / Я пазыўныя буду слаць: / «Дзе ты, Зямля? Я – твой...»* (М. Танк).

В структурном отношении конструкции, реализующие автометафоры, помимо двучленных, достаточно широко представлены и «многократными», «веерными», соответствующими формуле $A = B_1, B_2 \dots B_n$. Такого рода построения способствуют созданию многомерных, порой амбивалентных образов лирического «Я». Ср.: *Я – слых, і зрок, і палец указальны, / Што націскае спускавы кручок* (Хв. Гурыновіч); *Жыццё маё ў двухколёрным свячэнні, / Як доўгі фільм. Я – аўтар і глядач* (А. Пысін); *Быў я ант, быў я смерд, / Быў радзіміч, крывіч, дрыгавіч* (М. Купрэёў); *Я – космас і пылінка. І між намі – / Адзін агонь. Як вечнасці уток* (В. Зуёнак); *Я – Поле, / Сонечнае Поле, / Я – Памяць. / Я – Жыцця Калыска. / Я перапёлкаю, ад болю, / Прасіла піць у хмары нізкай* (В. Шніп), *Я падаючы сквер средь падали и скверны. / Я – пыль заблудшего луча!* (В. Кривулин); *Я – смешеньем сахара и соли, / странной смесью гордости и боли / отмечаю путь свой на земле* (А. Присманова); *Я выдохся. Я – как город, / Открывший врагу ворота. / А был я – юный и гордый / Солдат своего народа* (Б. Слуцкий); *Я – ухо мира! Я – его рука! / Он мне диктует* (Б. Слуцкий); *Что я земле? Я – след слезинки, / Морщинка на лице жены. / Я – нерастаявшая льдинка, / Что в чаще ждет еще весны* (В. Шаламов).

Реже автометафора включается в многофокусную развёрнутую метафору в качестве одного из её смысловых звеньев, ср.: *Я – актер, а лампа – рампа...* (В. Шаламов); *Я – пыльная, / каханая – бы лёд* (М. Федзюковіч).

Нередко автометафора реализуется в форме диалога, ср.: *– Я, выгнаіннік вясны, / Страціў, чым валадарыў... / – Хто ты? / – Я – сувязны / Успамінаў і мараў* (П. Макаль); *Но уже готов ответ Глубочайшего прозренья, / Соломонова решенья – / В этом и сомненья нет: / «Я – строка стихотворенья / Посвященного судьбой – С уваженьем – мне самой»* (И. Одоевцева).

Наконец, отметим, что для автометафоры в высокой степени характерна текстообразующая функция. Ср., например, стихотворения «*Я – семья*», «*Гойя*» (А. Вознесенский), «*Песня самолёта-истребителя*» (В. Высоцкий); «*Бабий Яр*», «*Я хотел бы*», «*Я кошелек*» (Е. Евтушенко), «*Скрижали завета*» (В. Князев), «*Назими*» (К. Симонов), «*Я – железо*» (С. Щипачев), «*Подражание Мильтону*» (С. Липкин) и мн. др.; «*Я – толькі ўсхліп...*» (З. Дудзюк); «*Я*» (А. Балусенка); «*Столькі сонца...*» (А. Пысін); «*Я – Зерне*» (А. Наўроцкі); «*Ноч*» (С. Блатун); «*Жыццё маё ў двухколёрным свячэнні...*» (А. Пысін); «*Маналог лугу*» (Р. Барадулін); «*Я – рака*» (А. Разанаў), «*Два каласы*» (М. Лужанін), «*Балада вуліцы*» (М. Стральцоў), «*Я ў Сусвеце – нібы Планета*» (М. Арочка), «*Нафта*», «*Песня заваднога салдаціка*», «*Кола*», «*Кропля дажджу*» (П. Макаль) и мн. др.

Некоторые из таких текстов основаны на прецедентных образах, например, «*Я – арыец*» (Р. Барадулін), «*Я – дзяўчынка на шары*» (Р. Баравікова), «*Бабий Яр*» (Е. Евтушенко), «*Я сослан в себя...*» (А. Вознесенский), «*Гулливёр*» (И. Сельвинский) и др.

Ряд зафиксированных нами конструкций, аналогичных в смысловом плане рассмотренным выше, отличается тем, что «правый элемент» вводится с тем или иным компаративным показателем, в результате чего модальность метафорической идентификации уступает место модальности сравнения: *Я ў кватэры – як частка кватэры – сама, / Гарадскі чалавек, папяровае тло* (Л. Рублеўская); *Я свой тут, нібы клён, я свой, бы звер* (М. Рудкоўскі); *І мяне, як злачыніцу-прыблуду, / Павядуць сумаваць без цябе* (Ул. Жылка); *Мяне, нібы палонніцу, / Ты цераз кладку нёс* (Я. Янішчыц); *я – подобье адресата / в чьих раздавленных очах / буквы строятся как солдаты / под Очаковым, во прах / повергают то ли турок / то ли хищных крымчаков – / я читаю, полудурок, / ноты полковых значков* (В. Кривулин); *Я – как поле ржаное, / Которое вот-вот поспеет, / Я – как скорая помощь, / Которая вот-вот успеет*

(М. Светлов); *Мне кажется – / я – это Анна Франк, / прозрачная, / как веточка в апреле* (Е. Евтушенко).

Не менее характерны конструкции, которые демонстрируют близкий к метафоре троп – метаморфозу, основанную не столько на ассоциациях сходства (анalogии), сколько на мифологических представлениях о способностях живых существ превращаться в иные существа (в этом случае «правый элемент» метафоры выражается творительным падежом существительного), ср.: *Яшчэ шалясцець мне былінкай малой між трысяця...* (Ул. Паўлаў); *Я ўстану, як зубр, / Над скупой неадольнасцю лёсу, / Груз гадоў, скрухі груз / Спапялю перуном* (М. Рудкоўскі); *Я дрэвам стану, цяністыя галіны раскіну / Над табой, / Засерабруся крынічнай вадой* (А. Наўроцкі); *Ты пайшла, / ты чамусьці пайшла, / і я стаў калодзежам без вады, / стаў вясновым кустом без лісця, / але болей за ўсё / стаў падобны на клетку, / якую пакінула птушка...* (М. Стральцоў); *Я стал разноцветной метелью / Моих легких мгновений, я стал огоньком мотылька* (В. Блаженный); *Я стану ветром в челке / и там, внутри иголки, / как в низенькой светелке, / войду в погасший свет* (И. Жданов); *Оборачиваясь то страхом, / то любовью, гонит меня, / и лечу я летучим прахом / по кружной территории дня* (Б. Слуцкий); *Я кристалликом соли из ваших растворов / выпал* (Б. Слуцкий); *Не век мне, нищему, скитаться, / Скитаться странником с клюкою, – / Я стану птицей, может стать* (В. Блаженный). Среди подобных конструкций встречаются и конструкции с отрицанием (своеобразные антиметаморфозы), ср.: *Я не дымом в чужую одежду вошел, / и не скука глаза мне кусает* (М. Айзенберг).

Заклучение. Таким образом, автометафора обнаруживает себя в поэтическом дискурсе в качестве одной из его «сильных позиций», с одной стороны, выступая в качестве средства структурирования Я-концептов, входящих в концептуальное ядро антропоцентрического (в том числе Я-центрического) по своей природе лирического дискурса, а с другой – являясь стимулом генерации контекстов разной протяжённости вплоть до интертекста.

В языке русской и белорусской поэзии выработаны в целом аналогичные модели метафорической репрезентации лирического «Я» как с точки зрения содержания, так и со стороны структуры, но при этом наблюдаются и определённые национально-стилевые особенности анализируемых конструкций и текстов.

Литература

1. Гогтишвили, Л.А. Непрямое говорение / Л.А. Гогтишвили. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 720 с.
2. Левин, Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю.И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М. : Язык русской культуры, 1998. – С. 464–480.
3. Безкровна, І.О. Комунікативна структура поетичного тексту (семантичний та прагматичний аспекти) : автореф. дис. ... канд. філол. Наук : 10.02.02 / І.О. Безкровна ; Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України. – Київ, 1999. – 16 с.
4. Кисель, Е.В. Функциональная семантизация / характеристика личных местоимений как средство создания художественного образа в поэтическом тексте (на материале творчества русских и белорусских авторов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.02 / Е.В. Кисель ; Белорусский государственный ун-т. – Минск, 2014. – 24 с.
5. Старычонок, В.Д. Фрэйм «Другасныя займеннікавыя намінацыі» / В.Д. Старычонок // Мнагазначнасць слова ў беларускай мове: у 3 кн. – Мінск : Колоград, 2017. – Кн. 2. Семантычная прастора чалавека ў мове і маўленні. – С. 201–225.
6. Новиков, Вл. Философия метафоры / Вл. Новиков // Новый мир. – 1982. – № 8. – С. 246–251.
7. Ревуцкий, О.И. Анализ художественного текста как коммуникативно обусловленного связного целого / О.И. Ревуцкий. – Минск : НИО, 1998. – 68 с.
8. Толочин, И.В. Метафора и интертекст в английской поэзии / И.В. Толочин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 95 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ